

Подписная плата въ мѣсяцъ за 7 номеровъ въ неделю:

въ Латвіи	Лс. 3.50 (175 руб.)
Заграницей	5.20 (260 ")
"	1 амер. дол.

Цѣна отдѣльнаго номера:

въ Латвіи:
12 сант. (6 латв. руб.)

въ Латвіи:	за оба издан. 60 пен.
Польшѣ:	за оба издан. 50 грш.
	за утреч. . . 30 "
	воскр. 35 "

СЕГООДНЯ

ОБЪЯВЛЕНІЯ:

За строку петита или заним. ею мѣсто — въ Латвіи въ текстъ	Лс. 1.40 (70 р. латв.)	} +50% гор. налога
предл. труда	—14 (7 ")	
позади текста	—34 (17 ")	
Для заграницы —10 амер. цент. за строку петита		

Редакція, главная контора и экспедиція

РИГА, Елизаветинская ул. (Elizabetes iela) № 83/85.

Телефонъ редакціи 8-2-9-5-9 и 7700, гл. конторы 59-90.

Отдѣленія конторы въ Ригѣ: Известковая 18, тел. 5-24, ул. Свободы 27, ул. Поли. Брѣдиса 2, Московская ул. 106.

Почтовый ящикъ № 85.

Текущіе очета

въ банкѣ Латвіи	№ 534.
„ коммерческомъ банкѣ, Ковно	№ 638.
на главной почтѣ	№ 115.

Первая заграничная поездка Художественного театра.

Из воспоминаний К. С. Станиславского *)

... В октябре 1905 г. началось великая востановка. Поток вешинуго вооруженное востановка. Театры были временно закрыты. Через несколько дней отъезд на уикенд прекратился, но основное положение осталось в силе. По указу, разрешалось ходить не позже 8 часов. При таких условиях наша заграничная поездка получала достаточное внешнее оправдание.

Для решения вопроса о поездке все правление театра собралось в моей квартире, в Баретном ряду. Приехали мы потеску. В описываемый вечер надо было во что бы то ни стало решить вопрос, а поездку отправить в Берлин передового для нашего театра, занавес декораций и др. Остановились в Москве должны были остаться деньги и все организованно. Заседание длилось всю ночь и даже после того, как гости улеглись и потянулись спать, работы не прекращались, тем более, что никому не спалось. Через несколько дней артисты А. Я. Вишневский выехал за границу в качестве передового, а 24-го января 1906 г. вся труппа, и я с женой и детьми, выехали через Варшаву в Берлин.

Первое время, посмотри на то, что приехать наши были подготовлены не почти извешенных театральными критиками Вильгельм Шольц, отношение к нам было русским, и в частности к нам не было гостеприимства: у рабочих театра представление о русском искусстве было весьма примитивное: пошловому, они считали нас или просто как акробатов, удивлялись тому, что мы не привезли с собой ни танцев, ни акробат, ни канатоцы, ни провозили для хождения по ней. Заказавшие нами декорации не были готовы. Наши выкупили наши рабочие во главе с П. И. Титовым, чтобы с нами приехали из Москвы, чтобы с нами созидание было, а вошедшие, воспитанные не только с нами приехали, так сказать, воспитанные опытом с нами молюсь. В несколько дней работы (мнея театр было занят репетициями немецкой труппы) четыре человека сдвинули то, чего мы не могли до-

биться от пьес фабрики за месяц. Но и тут нам ставились всевозможные препятствия. Так, например, для того, чтобы иметь право работать на сцене по нотам, нам пришлось оплачивать по тарифу за сверхурочной работы весь рабочий состав немецкого театра.

Были набраны русские сотрудники из числа эмигрантов. В виду того, что поездка неудачно японской войной и революцией, отношение к русским стало почти презрительным, на нас лежала масса по миф возможности поддерживать репутацию русских. Прежде всего надо было утихомирить всякую дисциплину и трудолюбивость. Мы понимали это и вели себя образцово. Репетиции шли с короткими перерывами с утра до ночи в больших порядках, которого не знали в том театре, в котором нам пришлось играть. Кроме создалась атмосфера нашей закулисной жизни. Отношение к нам изменилось, но ему еще далеко было до идеального.

Недостаточность материальных средств и опыта не позволила нам сделать необходимую для большого европейского города рекламу. Наши плакаты, сделанные художником В. А. Сивковым, были чрезвычайно изысканы, но потому недостаточно выразительны, чтобы быть в глаза и рекламировать театр. Тьма не могла на первом спектакле театр был переполнен. Мы открыли гостиницу «Парк, Одером». В этот вечер наша репутация ставилась на карту не только для заграничных, но и для России, потому что если бы мы не приехали, нам бы это не простилось. Кроме того, что бы мы делали дальше? Ведь нам пришлось бы возвращаться назад в Россию почти без денег, потому были истощены еще до полноты занавеса.

Не буду описывать волнения артистов и острую закулисную атмосферу первого спектакля. Нас удивляло то, что еще до начала премьеры рабочие стали поздравлять нас. Оказалось, что в театр приехали берлинские ветераны, знаменитый и великодушный артист Хаазе со своей женой. Нам сказали, что это хорошее предзнаменование, так как старик вызывает в театр лишь в самых крайних экстраординарных случаях. Очевидно, и наш спектакль был на виду, если у большой публики, то у берлинской интеллигенции. Первая картина «Федора» была принята бурей аплодисментов, а при познании занавеса перед второй картиной аплодисменты и овации

возобновились с еще большей силой. Успех спектакля рос с каждым актом. За кулисы прибегали наши давнишние друзья, знаменитый немецкий артист Барий, чтобы поощрить и успокоить нас, а в конце спектакля — безочевидные выходы и в атрибуты большого успеха.

Однако, успех «Федора», плеск Чехова, Ибсена, Горького и еще больше блестящих рецензий о них — мало помогли собрать театр. Он продолжал оставаться нахождением в тех пор, пока театром не заинтересовался Вильгельм. Сначала в театр приехал контрпринсип, потом императрица и, наконец, сам кайзер. Во время воскресенья нам сказали из дворца, что завтра в понедельник, император просит дать для него «Пара Федора». А назначена была премьера «Штокмана». Приходилось отменить премьеру и запоем продавать билеты на «Федора». Типограф в воскресенье закрыты, значит, и афиши о перемены выйти поздно, и самый понедельник в этот день в воскресенье высказались из этого смысла во дворце. Однако, спустя полчаса повторили просьбу кайзера все-таки дать завтра «Федора». Он очевидно знал, свой Берлин лучше нас. На афиш, выпущенной на другой день, красной поперечной линией было напечатано: «По желанию императора» — и этого оказалось совершенно достаточно, чтобы весь театр в несколько часов был распродан.

Вильгельм приехал в русской форме. По внешности он оказался не таким, каким мы его представляли, судя по его портретам. В действительности, он коренастый, небольшого роста, с довольно крупными рабочими на лице, с обмысленными усами, чуть зачесанными вверх — да еще не так утихомирено, как это изображалось на его портретах. Кайзер сидел на главном месте зала, окруженный всей семьей и держал себя непринужденно, пожимая обращался с вопросами, то к одному, то к другому из бывших с ним в зале или, называясь из большого зала в партер, делал сдвигившимся там актерам его театре мимические знаки одобрения, кивая их сторону спины. Несколько раз он демонстративно аплодировал. Или он увлекшись человек или — хороший актер, думали мы. В атракты нас, т. е. Немировича-Данченко и меня вызвали на ложу к нему, и он задавал нам ряд вопросов дльшого характера, относящихся к театру. По окончании спектакля, после того, как публика из театра уже разошлась, Вильгельм и обер-интендант многих королевских театров еще долго оставались в ложе, продолжая разспрашивать нас по вопросам нашей специальности. Нам пришлось рассказывать подробно о всей нашей закулисной работе, при чем Вильгельм прерывал нас иногда и обращался к интендантам, указывая на то, чего у них этого нет...

После окончания нашего театра Вильгельм собрал наших попросил нас к концу гостевой, потому дались пять-шесть недель, мы уже жили не только художественный, но и материальный успех. Везде мы являлись поощрением и чествования. Нам приваживали и именные артисты и отдельные общества и лица, и русская колония. Но особенно впечатлительные произвели на нас два приема и обеды: один из них происходил в небольшой квартире старика Хаазе, другой был дан нам знаменитым писателем Гауптманом. Хаазе был так увлечен нашими спектаклями, что пригласил в свою небольшую квартиру весь театральный Берлин — по паре актеров (мужчину и женщину) от каждого из главных берлинских театров. Во многих случаях мы обменялись благодарностями, а после ужина меня посадили среди актеров и заставили пасть за пахом рассказать, все хоть спешившей работы. Этого трудный и сложный доклад провалился на немецком языке, который я к тому времени основательно позабыл.

Другой прием и обед, устроенный Гауптманом, также имели свою маленькую историю. Гауптман часто бывал на наших спектаклях. Любого его к русской литературе и ее влиянию на него — достаточно известно. На первом спектакле, который он смотрел (пять «Дядя Ваня»), ему пришлось впервые познакомиться с русским сценическим искусством. В атракты, судя из своей ложы с женой и близкими, Гауптман неистово на застывшие, громко высказывался мнения о Чехове и нашем театре. Естественно, что перек отъездом из Берлина мы с Влад. Ивановичем, нашли нужным поблагодарить застывшего свое почтение писателю, с письмами которого мы течение многих лет наш театр знакомил русского зрителя.

Гауптман напомнил нам Антона Павловича Чехова. Их родила между собой присутств на обилие скромности, застенчивости и логичности. Но, конечно, разговор не мог быть очень долгим, разнообразным и красноречивым, по-прежнему, потому, что мы сами конфузлись, судя перек отним замечательным человеком, а во-вторых, то нам немецкий язык не был известен для литературных и художественных тем. Гауптман сказал, что от всегда метал для своих плеск о такой миф, какую он увидел у нас — без театрального папара и уловностей — простую, глубокую и содержательную. Немногие актеры угадали, что его мечты несбыточны, так как театр имеет свои требования и условия, которых нельзя нарушать. Теперь же наклон своей писательской деятельности, он увидит то, о чем всю жизнь мечтал.

К. С. СТАНИСЛАВСКИЙ.

*) В скором времени в Берлин в Москву выйдут воспоминания К. С. Станиславского, под названием «Моя жизнь в искусстве». Извлечем из этих изданий некоторые сведения о нашей первой заграничной поездке, посвященную первой поездке Московского Художественного театра за границу.